

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 41–47
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 41–47
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-41-47>, EDN: HCGBIW

Научная статья
УДК 314.74+314.07

Отношение принимающего российского сообщества к иноэтничным мигрантам как фактор миграционного поведения (на примере жителей Екатеринбурга)

И. Б. Бритвина, П. А. Шумилова ✉

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

Бритвина Ирина Борисовна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, irina.britvina@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2862-4408>

Шумилова Полина Андреевна, ассистент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, polina.shumilova@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8899-8546>

Аннотация. В статье обосновывается необходимость институционализации процессов интеграции мигрантов, основанная на негативных демографических трендах в России. Авторы делают анализ теорий миграции и предлагают базу институционального подхода как методологическую основу для формирования интеграционных моделей мигрантов в принимающее сообщество. Обосновывается важность анализа миграционного поведения как части интеграционного процесса не только мигрирующего, но и принимающего сообщества. Представлены результаты социологических опросов, проведенные в 2017 (N = 485) и в 2024 гг. (N = 1400), которые показывают противоречивую динамику готовности принимающего сообщества к интеграции с иноэтничными мигрантами. С одной стороны, выявлена позитивная динамика роста потребности российского сообщества в социально-культурной интеграции с мигрантами, с другой стороны, обозначены приоритетные требования к приезжим, такие как соблюдение культурных норм (93,9%) и российских законов (88,6%). Результаты опросов показывают выход запроса россиян на социально-культурную интеграцию с мигрантами на первое место по сравнению с опросом 2017 г. Проблема полноценной институционализации миграционного процесса подтверждается поляризацией восприятия мигрантов как «своих» (44,5%) и «чужих» (40,2%) при длительном пребывании в обществе приема. В выводах обосновывается необходимость развития адаптивной модели интеграции мигрантов в условиях трансформации миграционных потоков. Сделан вывод, что формирование социальных институтов, направленных на решение проблем, связанных с взаимодействием разнокультурных сообществ в рамках общего пространства нахождения, позволит развить адаптивность принимающих сообществ в условиях изменения качества и структуры миграционных потоков.

Ключевые слова: миграционное поведение, социальный институт, иноэтничные мигранты, социально-культурная интеграция, отношение к мигрантам, Центральная Азия, опрос

Для цитирования: Бритвина И. Б., Шумилова П. А. Отношение принимающего российского сообщества к иноэтничным мигрантам как фактор миграционного поведения (на примере жителей Екатеринбурга) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 41–47. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-41-47>, EDN: HCGBIW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The attitude of the host Russian community towards migrants of other ethnicities as a factor in migration behavior (using the example of Yekaterinburg residents)

I. B. Britvina, P. A. Shumilova ✉

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira St., Ekaterinburg 620002, Russia

Irina B. Britvina, irina.britvina@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2862-4408>

Polina A. Shumilova, polina.shumilova@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8899-8546>

Abstract. The article substantiates the need to institutionalize the integration of migrants based on negative demographic trends in Russia. The authors analyze migration theories and propose the basis of the institutional approach as a methodological basis for the formation of integration models of migrants into the host community. The authors substantiate the importance of analyzing migration behavior as part of the integration process, not only of the migrating, but also of the host community. The results of sociological surveys conducted in 2017 (N = 485) and in 2024 (N = 1400) are presented and show the contradictory dynamics of the host community's willingness to integrate with non-ethnic migrants. On the one hand, the positive dynamics of the growth of the Russian community's need for socio-cultural integration with migrants was revealed, and,

on the other hand, priority requirements for visitors were identified, such as compliance with cultural norms (93.9%) and Russian laws (88.6%). The survey results show that Russians' request for socio-cultural integration with migrants has come out on top compared to the 2017 survey. The problem of full-fledged institutionalization of the migration process is confirmed by the polarization of the perception of migrants as "their own" (44.5%) and "strangers" (40.2%) during a long stay in the reception society. The conclusions substantiate the need to develop an adaptive model of migrant integration in the context of migration flows transformation. It is believed that the formation of social institutions aimed at solving the problems related to the interaction of diverse cultural communities within a common location space will allow for developing the adaptability of the host communities in the conditions of changing the quality and structure of migration flows

Keywords: migration behavior, social institution, migrants with different ethnicity, socio-cultural integration, attitude towards migrants, Central Asia, survey

For citation: Britvina I. B., Shumilova P. A. The attitude of the host Russian community towards migrants of other ethnicities as a factor in migration behavior (using the example of Yekaterinburg residents). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 41–47 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-41-47>, EDN: HCGBIW

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Ситуация демографической турбулентности, которая сегодня фиксируется официальной статистикой, предполагает активный поиск новых и трансформацию привычных способов решения вызванных ею проблем.

Численность населения России, по прогнозу Росстата, снизится со 146,1 млн чел. (2024 г.) до 138,77 млн к 2035 г. Кроме того, наблюдается общее старение российского населения, что приведет к ряду очевидных последствий. В частности, изменение соотношения нагрузки, которая определяет, сколько трудоспособных граждан содержат пенсионеров, будет следующим: снизится с 2,25 к 1 в 2024 г до 2,13 к 1 в 2046 г., что, учитывая оптимальный показатель (3 к 1), может стать серьезной причиной многих негативных социально-демографических последствий, чему также будет способствовать и прогнозируемое увеличение продолжительности жизни.

С другой стороны, в 2024 г. зарегистрировано рекордно низкое количество рождений, что определяется коэффициентом рождаемости 1,321. Согласно Росстату, прогноз по рождаемости имеет положительную динамику и составит рост показателя с 1,245 млн новорожденных в 2023 г. до 1,426 млн новорожденных в 2046 г.¹, т. е. общий коэффициент рождаемости увеличится до 1,663. Однако, несмотря на прогнозируемый рост рождаемости, этих результатов (которых еще нужно достичь) не хватает для простого воспроизводства населения, поскольку для этих целей коэффициент рождаемости должен составлять 2,08.

Социальные последствия данных процессов – это существенное снижение качества

жизни, износ человеческих ресурсов, обострение проблем со здоровьем, снижение качества человеческого капитала и другие проблемы. Очевидно, что в среднесрочной перспективе (до 2050 г.) миграция – это пока единственный путь решения экономических и социальных проблем, обусловленных представленной демографической ситуацией.

Однако на сегодняшний день можно наблюдать противоречие между необходимостью приема мигрантов в связи с демографическими проблемами и принципами миграционной политики, утвержденной Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622, в части создания «миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода»² (п. 14). С одной стороны, российское общество пользуется трудом мигрантов и осознает необходимость их присутствия, а с другой стороны, демонстрирует недовольство культурной разницей и старается соблюдать дистанцию в общении. Вследствие этого образуется барьер, препятствующий эффективному включению мигрантов в общество приема, способствующий межэтнической напряженности, сегрегации и сепарации [1], что оказывает влияние на развитие негативных социальных последствий.

¹ Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709> (дата обращения: 15.08.2024).

² О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 (с изм. и доп. от 12.05.2023). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

В данной статье несистематизированное содействие культурной интеграции мигрантов со стороны принимающего сообщества рассматривается как проблема участия «институтов гражданского общества в реализации миграционной политики» (п. 19)³ и анализируется как часть более общего явления институционализации миграционного процесса, равноправными агентами которого выступают и мигранты, и принимающее сообщество.

Методология и методика сбора данных

Не существует единой теории, объясняющей суть и причины международной миграции: есть набор теорий, которые развивались в значительной степени изолированно друг от друга. Однако миграционные модели и актуальные тенденции предполагают, что полного понимания современных миграционных процессов невозможно достичь инструментами имеющихся подходов, и требуют расширения и междисциплинарности, включающей в себя различные точки зрения, уровни и допущения [2–4].

Анализ миграционных процессов может быть основан на упрощенных моделях типа «тяги-толкая» («push and pull») или неоклассических предположениях о максимизации индивидуального дохода (или «полезности»). К таковым относится подход, основанный на разнице экономического уровня отпускающих и принимающих регионов (Е. Г. Равенштейн [5], И. Валлерштейн), в том числе теория заработной платы [6], разрыва в зарплатах и доходах [7], увеличения безработицы [8], новая экономика миграции [9], теория обратной связи экономических циклов [10] и др.

Большинство теоретических моделей, построенных в русле концепта «push and pull», описывают причины возникновения миграции, и хотя каждая из них в конечном счете стремится объяснить одно и то же, в них используются разные допущения и системы отсчета.

Неоклассическая экономика фокусируется на различиях в заработной плате и условиях занятости в разных странах, а также на издержках миграции. В целом она рассматривает перемещение как индивидуальное решение для максимизации дохода.

«Новая экономика миграции», напротив, рассматривает условия на различных рынках – не только на рынках труда, но и на рынках товаров

и покупательских возможностей. В ней миграция также анализируется как решение домохозяйства, принимаемое с целью минимизации рисков для семейного дохода или преодоления финансовых ограничений, связанных с производственной деятельностью семьи.

Теория «двойного рынка труда» и теория «мировых систем» обычно игнорируют процессы принятия решений о миграции на микроуровне, сосредоточившись на силах, действующих на более высоких уровнях агрегации. Первая связывает иммиграцию со структурными потребностями современной индустриальной экономики, в то время как вторая рассматривает иммиграцию как естественное следствие экономической глобализации и проникновения на рынки через национальные границы. Однако сосредоточение на оценке экономических различий оставляет без ответа многие вопросы, связанные с миграционным процессом. В частности, нет понимания, почему регионы с самым низким доходом на душу населения и, следовательно, с самой высокой разницей в доходах, а также с высоким уровнем безработицы и большим избытком рабочей силы не входят в число основных стран-отправителей мигрантов, к тому же не раскрываются причины переезда или отказа от него у людей из одних и тех же стран с одинаковым уровнем жизни. Одним из самых слабых аспектов рассмотренных теорий миграции является невозможность объяснить, что детерминирует миграционное поведение на всех этапах его осуществления кроме экономических причин.

Дополняя экономику международной миграции социальной перспективой, открывается возможность рассматривать ее как социальное явление [11], применяя к нему понятия социальной структуры, связей и функционирования социальных систем. Этот подход рассматривает миграцию как динамический алгоритм взаимодействия между двумя государствами, меняющийся с течением времени, в рамках которого различные промежуточные переменные играют роль на разных этапах миграционного процесса, что, в свою очередь, может влиять на миграционные потоки посредством сдвигов в направлении, размере, составе и объеме миграции, а также в актуализации ее позитивных и негативных социальных последствий.

Руководствуясь концепцией, которая фокусирует свое внимание в равной степени на обеих сторонах миграционных потоков [12], отправляющие и принимающие регионы следует

³ Там же.

анализировать как два компонента миграционной системы, соединенные сложным набором связей: отношения между государствами, семейные и личные сети, деятельность миграционных агентств. Как отмечает Д. Мэсси [13], международная миграция формирует большое количество структур, деятельность которых направлена на то, чтобы легально и нелегально удовлетворить спрос и предложение на миграционные услуги, занимающихся продвижением международного перемещения и развитием миграционного процесса. Со временем отдельные лица, фирмы и организации становятся хорошо известными мигрантам и институционально стабильными.

Анализ миграции как социального процесса направляется такими переменными, как динамика возникающих и развитых миграционных сетей, а также социальные и культурные связи между отправляющими и принимающими сообществами, что, в свою очередь, создает «дочерние» сообщества в принимающей стране. Миграционные сети развивают социальные институты среди мигрантов, которые укрепляют связи между отправляющими и принимающими регионами, поддерживая при этом постоянный и растущий поток миграции.

Таким образом, можно говорить о том, что сегодня миграция трансформировалась из социального явления в социальный институт со всеми характерными для него признаками. Миграция в современном мире становится устойчивым образованием, регулярно воспроизводящим свою структуру и функции [14].

Однако функция интеграции иноэтнических мигрантов в принимающее сообщество остается на периферии задач данных институциональных образований. Одним из базовых противоречий здесь является то, что мигрирующая общность рассматривается как первичный агент миграционного процесса, соответственно, ответственность за включение в принимающее сообщество анализируется через призму доминирующей идеи о том, что именно мигранту это нужнее всего.

Практика показывает, что мигранты, особенно временные, так не считают, и их цели, как правило, ограничиваются заработком. Если применить демографический подход, используя оптику теории институционализации миграции, а также системы «страна принимающая – страна отпускающая», то это позволит рассматривать социально-культурную инте-

грацию как часть миграционного поведения не только мигрантов, но и принимающей стороны.

Категория «миграционное поведение» обычно понимается как часть демографического поведения, но относится она только к тем, кто совершает перемещение. Когда демографические процессы развитых стран имеют тенденцию к снижению, сокращению и старению населения, уместно говорить о том, что прием мигрантов – это процесс поддержания демографического баланса, т. е. восполнения населения. При этом интеграция мигрантов – это формирование новых граждан с определенными характеристиками, а значит, эти характеристики необходимо им привить в процессе интеграции. Под таким углом восприятия миграционное поведение, как часть демографического поведения принимающей стороны, станет основой для формирования интеграционных социальных институтов.

Проблема решения этой задачи в значительной степени находится не только в сфере политики и государственного управления, но и в сфере отношения принимающего сообщества к иноэтническим мигрантам. Осознание угроз демографических трендов и необходимости вклада социума в их решение происходит неравномерно и с отставанием от развития вызовов, которые они провоцируют.

На протяжении нескольких лет мы исследовали взаимоотношения россиян и мигрантов из стран Центральной Азии как наиболее представленных в нашей стране иноэтнических приезжих, нацеленных на заработок и длительное проживание. Было неоднократно выявлено, что то, какой складывается модель поведения во взаимодействиях, в общем отношении к мигрантам, в значительной степени влияет на их культурную интеграцию и адаптацию в стране приема. Культурная интеграция при этом понимается как усвоение, применение и уважительное отношение к культурным нормам и правилам общества приема, а также идентификация себя как личности, принадлежащей социуму страны-акцептора.

В данной статье представлены результаты исследования «Отношение принимающего российского сообщества к мигрантам из стран Центральной Азии», проведенного в 2017 и 2024 гг. среди жителей Екатеринбурга с использованием идентичного инструментария:

1) анкетный опрос жителей Екатеринбурга (N = 485, 2017 г.);

2) онлайн-опрос жителей Екатеринбурга (N = 1400, 2024 г.).

Тип выборочной процедуры – квотная выборка. Квотный признак в процессе отбора – половая принадлежность, возраст, уровень образования.

Результаты

В 2024 г. нами было выявлено, что большинство респондентов признают необходимость присутствия мигрантов для обеспечения базовых потребностей функционирования городской среды. Так, 66,6% ответили, что мигранты помогают решить городские задачи в разных сферах, а именно: в строительстве, транспортном сервисе, уборке, общественном питании, а также снижают напряженность в низкоквалифицированном труде.

Понимание того, что мигранты решают проблему демографического спада населения, продемонстрировали малое количество опрошенных (0,7%), однако, сравнивая с показателями опроса 2017 г., их количество увеличилось (с 0,3%).

Заметно изменилось количество тех, кто считают, что мигранты не помогают обеспечивать функционирование общественной жизни (с 16,1 до 25,8%). Вырос процент тех, кто обвиняют приезжих в росте социальных проблем (с 2,0 до 3,3%).

Однако наряду с этим достаточно большая часть респондентов считают, что если мигранты из Центральной Азии хотят получить российское гражданство, то нужно им его предоставить, но при условии культурной адаптации к нормам и правилам принимающего сообщества (табл. 1).

Таблица 1

Возможность предоставления российского гражданства иноэтничным мигрантам из стран Центральной Азии (2024 г.)

Нужно ли давать мигрантам российское гражданство?	% от ответивших
Давать, но при соблюдении с их стороны наших законов и культурных норм	69,0
Не нужно разрешать им получать российское гражданство	28,1
Не знаю	0,6
Нужно давать гражданство	2,0

Стоит отметить, что, несмотря на последние события, связанные с мигрантами из стран Центральной Азии, с распространением информации о росте количества преступлений, совершаемых

мигрантами, требование к соблюдению именно культурных норм (не законодательных!) вышло на первое место в 2024 г. по сравнению с 2017 г. (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение популярных требований к иноэтничным мигрантам из стран Центральной Азии в 2017 и 2024 гг., % от ответивших

Перечень требований	2017 г.	2024 г.
Соблюдать культурные нормы, принятые в нашей стране	63,6	93,9
Соблюдать российские законы	67,7	88,6

С другой стороны, наблюдаются изменения и в восприятии мигрантов из стран Центральной Азии с точки зрения культурной близости в зависимости от времени их пребывания в России. Так, в 2017 г. примерно равное количество респондентов считали, что если приезжий проживает в стране приема несколько лет, то его можно считать «вполне своим» (30,7%) или он остается «чужим» (33,4%). В 2024 г. за счет снижения неопределенности в

этом вопросе респондентов (с 34,2 до 14,7%) произошла поляризация мнений с перевесом в сторону восприятия мигрантов как «вполне своих» до 44,5% и «чужих» до 40,2%. Таким образом, наблюдаемые реакции респондентов проявляют результаты функционирования современных институтов приема инокультурных мигрантов и свидетельствуют о латентной дисфункции в области интеграции приезжих из стран Центральной Азии. Рассматривая

проблему с позиций социального управления, принимающее сообщество лишь частично готово к построению социальных институтов, отвечающих задачам культурной интеграции мигрантов. Наличие артикулируемой необходимости в культурной интеграции иноэтничных мигрантов у большинства опрошенных и очевидный рост этого запроса формирует потребность общества в появлении системы включения приезжих в принимающее сообщество в новом качестве на институциональном уровне. То есть готовность выражается в проявлении определенной реакции респондентами на присутствие и формы поведения иноэтничных мигрантов на территории приема. Одновременно с этим отсутствие полного отказа от представленности мигрантов в российском социуме говорит о том, что принимающее сообщество частично осознает необходимость в них в современных экономических и демографических условиях. То, что существенная часть опрошенных расположена к восприятию мигрантов как «своих» при выполнении определенных условий, свидетельствует о том, что глубоко укорененная и исторически обусловленная способность жителей нашей страны продуктивно взаимодействовать с разными народами в рамках единого государственного устройства сохраняется и может стать основой для развития институтов культурной и социальной интеграции мигрантов не только из стран Центральной Азии, но и из других регионов.

Вопросы для обсуждения дальнейших исследований

Рассматривая культурную интеграцию в системе «отпускающее сообщество – принимающее сообщество», становится очевидным, что миграционное поведение сегодня необходимо понимать как присущее не только мигрантам, но и жителям принимающих стран. Оно должно быть направлено на сохранение демографического баланса, развивать общие социальные институты.

Особенно важно запустить процессы формирования или реконструкции имеющихся институтов, когда структура миграции меняется и в Россию все чаще едут представители культурно и цивилизационно более далеких территорий, таких как Африка, Индия и Китай.

Понимание того, что сохранение не только социально-культурной целостности, но также физической, санитарной, эпидемиологической безопасности зависит от каждого члена принимающего сообщества, способно снизить риски, связанные с межстрановой и с межконтинентальной миграцией. Поэтому предметом дальнейших исследований должны стать процессы формирования социальных институтов интеграции мигрантов в принимающее сообщество, способные гибко реагировать на изменение миграционных процессов, структурные изменения миграционных потоков и способствующие формированию адаптивного, направленного на эффективное взаимодействие с приезжими, миграционного поведения принимающего сообщества.

Список литературы

1. Берри Дж. У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы (пер. с англ. И. Шолохова) // Развитие личности. 2001. № 3–4. С.183–193. URL: http://rl-online.ru/articles/3_4-01/198.html (дата обращения: 15.08.2024).
2. Baudassé T., Bazillier R., Issifou I. Migration and Institutions: Exit and Voice (from Abroad)? Orleans, France, 2016. URL: <https://hal.science/hal-02484265/document> (дата обращения: 15.08.2024).
3. de Haas H. A theory of migration: The aspirations-capabilities framework // Comparative Migration Studies. 2021. Vol. 9, iss. 1. P. 1–35. <https://doi.org/10.1186/s40878-020-00210-4>
4. Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. Theories of international migration: A review and appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19, № 3. P. 431–466. <https://doi.org/10.2307/2938462>
5. Ravenstein E. G. The Laws of Migration // Journal of the Royal Statistical Society. 1885. Vol. 48, № 2. P. 167–235. <https://doi.org/10.2307/2979181>
6. Hicks J. The Theory of Wages. 1st ed. London, 1932. URL: <http://pombo.free.fr/hickswages.pdf> (дата обращения: 15.08.2024).
7. Todaro M. P. A model of labor migration and urban unemployment in less developed countries // The American Economic Review. 1969. Vol. 59, iss. 1. P. 138–148.
8. Determinants of emigration from Mexico, central America, and the Caribbean / eds. S. Diaz-Briquets, S. Weintraub. New York : Routledge, 1991. 376 p. <https://doi.org/10.4324/9780429045950>
9. Stark O., Bloom D. E. The new economics of labor migration // The American Economic Review. 1985. Vol. 75. P. 173–178.

10. Экономика народонаселения : учебник / под ред. В. А. Ионцева. М. : Инфра-М, 2007. 667 с.
11. *Fawcett J. T., Fred A.* Explaining Diversity: Asian and Pacific Immigration Systems // *Pacific Bridges*. Center for Migration Studies special issue. 1987. Vol. 5, iss. 3: The New Immigration from Asia and the Pacific Islands. P. 453–473. <https://doi.org/10.1111/j.2050-411X.1987.tb00971.x>
12. *International migration systems: A global approach* / eds. M. M. Kritz, Lin Lean Lim, Hania Zlotnik. Oxford : Clarendon Press ; New York : Oxford University Press, 1992. 354 p.
13. *Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E.* Theories of international migration: A review and appraisal // *Population and Development Review*. 1993. Vol. 19, № 3. P. 431–466. <https://doi.org/10.2307/2938462>
14. *Табасаранский Р. С.*, Миграция в современном мире: трансформация из социального явления в социальный институт // *Вестник МГПУ. Серия «Философские науки»*. 2023. № 2 (46). С. 76–89. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.46.2.7>

Поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 17.12.2024;
принята к публикации 17.12.2024; опубликована 28.02.2025
The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 17.12.2024;
accepted for publication 17.12.2024; published 28.02.2025